

и ее будущего союза с Россией, союза, свободно на себя взятого и спасительного для обеих стран, быть может, встретятся известные трудности. Однако мы твердо верим, что взаимная добросовестность наших стран, что согласованность великих славянских интересов, что непоколебимая воля создать братский союз сведут на нет эти трудности, гораздо меньшие, нежели принято думать. Обратитесь, милостивый государь, к нашей истории: она скажет вам, что мы никогда и никого не обманывали, не предавали; что тем народам, которые сами пожелали свободно к нам присоединиться, мы предоставляли или почтительно сохраняли у них то, что сами любили и что страстно любим, – свободу. Надеемся, милостивый государь, на полную преданность нашу великим и законным интересам русского народа. Вы знаете, что говорят о нас. Мы привыкли делать больше, чем обещаем. Мы просим у вас, у русского народа, доверия. Мы заслуживаем его – мы его достойны.

В самом деле, как создавались союзы литовцев, рутенов и пруссаков с Польшей в XIV и XV веках? Свободно, благородно. У нас просили покровительства, освобождения, политического союза, братства – и все это мы давали. Ни своих братьев, ни своей крови мы не щадили. Завоевания, насилия, предательства никогда не было! Всегда любовь и преданность. В предстоящем России и Польше будущем, которое должно исправить все, мы не откажемся от этих чувств. Мы, скорей, еще усилим их.

Примите же, милостивый государь, уверения в нашем уважении и братской любви. Мы просим вас передать наши чувства привязанности и преданности вашим друзьям в России и, как мы надеемся, искренним друзьям Польши.

Ж.-Б. Островский

Париж, 24 мая 1861 г.

¹ Статья Герцена “Vivat Polonia!” и “Mater dolorosa” по поводу кровопролития в Варшаве вызвали волну частных и коллективных писем к автору от поляков самой различной политической ориентации. “Правительство нас еще раз сблизило, – вспоминал Герцен в 1868 г. – Перед выстрелами по попам и детям, перед свистящими пулями, поражающими распятия, поражающими женщин в трауре (...) – все вопросы и споры были забыты. Со слезами на глазах написал я целую серию статей, доставивших мне столько выражений симпатии со стороны поляков...” (XX, 295–296).

² Намек на листовку Герцена “Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше”, датированную 25 марта 1854 г., и на его статью “Польско-русский революционный союз” (XII, 201–204 и 206–213).

³ Вероятно, отклик на самоубийство гвардейского ротмистра барона Корфа, отказавшегося дать команду стрелять в безоружную толпу, или на самоубийство полковника Я. Пейкера, якобы протестовавшего таким образом против расстрелов 8 апреля 1861 г.

Р. РАЧИНСКИЙ

Рoger Рачинский (1819–1864) – сын известного историка, издателя и мецената Э. Рачинского. Участник познанского восстания 1848 г. После поражения его поселился на юге Франции.

Письмо печатается по фотокопии с писарского списка BRUG. Впервые опубликовано Г. Верещицким по авторизованной копии в “Przegląd Historyczny”, 1957, № 2, s. 234–264 (см. ЛЖГ III, 451–452) и позднее в ААН, 277–285, с ошибочно указанным годом: 1864).

Перевод с французского:

Познань. 22 февраля (1863 г.)¹

Милостивый государь,

Давно уже хотелось мне написать вам и стать к вам поближе, дабы выразить то уважение и признательность, которые испытываю за великое дело, предпринятое вами в России, так же как за исполненное справедливости и благородства отношение к Польше, кое вы всегда проявляли. К сожалению, подобное изъяснение моих чувств явилось бы не чем иным, как бесполезной и ничтожной демонстрацией вслед-

ствие состояния умов у меня на родине, где великая идея действительного согласия между Польшей и Россией еще не проникла в сознание. Отдельные личности допускали возможность в обозримом будущем союза польской свободы и русской революции, однако убеждения их не хватало решимости и доверия^{98*}. Теперь же, напротив, я полагаю, что момент этот наступил, ибо для многих умов положение прояснилось. Сделанный мною шаг уже не явится чисто личным выступлением, ибо могу вас заверить, что немалое число энергичных людей, из тех, чей патриотизм отличается особой самоотверженностью, полностью согласны с тем, что надобно договориться с Россией и искать безопасность, силу и, наконец, будущее в федерации славянских свобод. Правда, то, о чем я вам говорю, происходит в провинции, находящейся под германским игом², и полезный опыт особенно наглядно выявил позор, пренебрежение и нищету, которые приносит с собой германское владычество, ибо могу вас заверить, что результаты этого владычества таковы, что нам кажется предпочтительней даже режим самого императора Николая и что можно узреть нечто вроде относительного благополучия в том применении, которое цари дали Сибири и кнугу. Но мне еще известно, и это не подлежит сомнению, что наиболее мыслящая и сильная часть руководителей Королевства Польского все сильней и сильней склонялась к тому, что необходимо договориться с вашими друзьями и с вами.

Сочувственные слова, произнесенные “Колоколом” в тот момент, когда наши повстанцы сражались с вашими солдатами, с несчастьнейшими из ваших собратий, конечно, не пропали даром³. Ведь только в тревоге опасности и отчаянья, а также пред лицом неодолимых препятствий по-настоящему распознаешь и испытываешь своих друзей. И только во время бури, когда души раздирает скорбь, должно совершать посев идей, если хочешь, чтоб они приобрели страстный, живой, то есть революционный, характер и чтобы, выйдя из состояния литературных отвлеченностей, они, подобно богам, обрели свою мощь.

Я искренен во всем, вплоть до сокровеннейших тайников своей мысли, и^{99*} хочу высказать перед вами с полнейшим чистосердечием. Только то, что делается с полной искренностью, обладает силой и основательностью, как вы любите говорить; повстанческое движение вскоре прекратится, это почти не вызывает сомнений, и никого оно не всколыхнет; тем не менее, мы считаем, что ему необходимо оказать поддержку. Мы обязаны поддерживать его, чтобы поддержать во всем мире честь и влияние нашей нации и чтобы закалить ее изнутри. Даже если ничего действительного произвести нам не удастся, то благовиднее будет почтить некоторыми жертвоприношениями тех, кому вскоре предстоит умереть. Этим мы их не спасем, у нас даже нет уверенности в том, что мы сможем за них отомстить. И только вы, ваши друзья, ваша партия, уже так много сделавшие для нашей общей свободы, только вы сможете совершить нечто решающее для нашего будущего.

Любая демонстрация с вашей стороны явится великим историческим прецедентом, принципом, взятым на вооружение революцией. Если бы возможно было создать русский отряд, как мал бы он ни был, чтобы знамена обеих наций обрели наконец возможность развернуться бок-о-бок в общем порыве, то это явилось бы решающим шагом⁴. Мы далеки от того, чтоб оспаривать ту предельную трудность, которую для представителей народа-защитителя составляет присоединение к движению покоренных народов; это полная противоположность тому, что естественным образом должно иметь место; поэтому-то мы не можем настаивать на подобного рода действиях, ибо дух веет по собственной воле, а вы ведь не Государственный совет, который функционирует в определенный час и по своему усмотрению при помощи послушных ему орудий. Тем не менее, если революционному делу надобно созреть для взрыва, то совсем не так обстоит с демонстрациями, чье влияние на людей всегда было сильней и решительней, чем влияние слов, потому что демонстрации эти имеют в себе нечто от неоспоримой искренности действия и представляют собой,

^{98*} Далее в автографе зачеркнуты две строки. – *Ред.*

^{99*} Далее в автографе зачеркнуто несколько слов. – *Ред.*

так сказать, говорящие действия, а это ведь не только пропаганда мысли, но и пропаганда действия.

Мне кажется, я совершенно отчетливо вижу, что день вашего торжества и в то же время вашего величайшего испытания уже недалек; польское движение, как я думаю, является предзнаменованием этого. Все виды агитации в Польше прямо соответствуют развитию революционных настроений. Положение наше особенно невыносимо, и поэтому нам предстоит первыми испытать на себе воздействие всеобщего революционного возбуждения; в этом отношении мы схожи с особым рода больными или же с теми жаворонками, чье пенье слышится уже в феврале, но кого неизбежно настигнут и убьют морозы. Нынешнее восстание напоминает мне, в частности, восстание 1846 г., которое потерпело крушение вследствие полнейшего бессилия, не найдя и малейшего отклика в мире⁵, а ведь за ним, тем не менее, последовало великое февральское потрясение⁶; на этот раз судороги Польши не возвестят нам о потрясениях ни во Франции, ни в Германии; в этих странах теперь совершенно отсутствуют необходимые элементы^{100*}. Вполне очевидно, что в русском и славянском мире зреет революционное движение, на этот-то восточный полюс нашего социального мира вскоре переместится очаг революции.

И другие явления предвещают нам русско-славянскую революцию: таково, между прочим, сближение Франции и России⁷, которое я рассматриваю как нечто вроде просачивания революции в Санкт-Петербургский кабинет; всякое сближение подобного рода – это революционное знамение; оно должно служить и великим основанием для надежды всякому поляку, способному сколько-нибудь шевелить мозгами. Германский союз с Россией – это порабощение, смерть для Польши; разрыв этого союза – жизнь.

Хотя мне и неизвестно в достаточной мере внутреннее состояние России, я вижу императора, говорящего своей гвардии, что она пригрела предателей на своей груди⁸; мы видим митрополита, который защищает применение палочных ударов, опираясь на тексты Писания⁹; и, наконец, как мне кажется, можно предположить, что революционная партия, придя к власти, могла бы осыпать множеством легко осуществимых благодеяний армию, так же как народ, не дезорганизуя этим общество и государство. Из всего этого следует, что помешать себе верить в этот ритм революционного движения, предвещающий, как мне кажется, наступление решительного часа, я не могу. Не думаю, чтобы живой наш интерес к этому делу заставлял нас смешивать пульсацию нашего собственного сердца с мощными и медленными биениями всеобщей жизни. Истины эти – следствие наблюдений и такта, и, по моему мнению, они устанавливаются совершенно независимо от личных взглядов; мне кажется, что я мысленно вижу средства и движущие силы нашей победы, но мне кажется также, что именно тогда для вас и для всех людей доброй воли начнутся трудности, поистине огромные, поистине органичные.

Ближайшая опасность, которая касается нас непосредственно, – это вооруженная борьба между армиями русской революции и свободной Польши, ибо неотвратимый удар этот грянет, и он может погубить все, если мы не сделаем всего необходимого, чтоб его предупредить, если мы не придем к согласию и если не будем с самого начала идти рядом. Попытаемся же спасти, ибо это возможно: вы – свою волю и свою честь, мы – свою жизнь и свое бытие.

Отталкивающий пример революционного движения 1848 г., так, как он проявился в отношениях Польши с германской демократией, не должен пропасть даром: до 48 г. либералы и демократы протягивали нам руку, теперь же они ненавидят нас, и мы ненавидим их, в свой черед, одной из тех национальных ненавистей, которые, в известной мере, сокрушают все человеческие связи. В то же время именно вооруженная борьба в Великом княжестве Познанском покончила с этим потоком страстей. Происходившие там сражения, несмотря на свое ничтожное стратегическое значение, имели гораздо более высокий нравственный смысл, нежели тот, что им

^{100*} Далее зачеркнуто несколько слов. – *Ред.*

обычно придают. Именно там приостановилось всеобщее революционное движение и его идеальный душевный подъем^{101*}; именно там революция впервые породила разнь и стала рушиться в междоусобицах личных страстей. Не следует также забывать, что эта продолжавшаяся месяц война против поляков возвратила реакционным силам средство действовать, дав для этого и предлог, и армию. Вот почему генерал Мерославский совершил столь громадную ошибку, почти преступление против революции, от которой им были получены полномочия, когда, загнанный в тупик своей велеречивой нерешительностью, он дошел до оправдания борьбы, столь явно противоречившей всем интересам революции, которая нуждалась в дальнейшем развитии¹⁰.

Нет сомнения в том, что, если бы все это произошло между русскими войсками, признавшими революционное правительство, и польскими комитетами, вскоре оказавшимися в окружении многочисленных ватаг повстанцев, — возможно, последняя надежда нашей свободы и даже самые плоды русской революции неизбежно там погибли бы.

От этого могла бы выиграть только Германия, которая, в известном смысле, исчерпала все идеи человечества лишь для того, чтоб от них с полным знанием дела отречься. Почти несомненно, что Пруссия уже собиралась воспользоваться нынешним злополучным восстанием, чтобы предложить свое вмешательство русскому правительству, которое пока еще недостаточно трусливо, недостаточно безумно и, наконец, недостаточно слабо, чтобы принять его. Однако, если бы мы вступили в бой с вами после вашей победы, мы, вероятно, были бы разбиты и, быть может, снова подверглись бы разделу; судьба русской демократии не приобрела бы этим особой славы, ибо все традиции продолжительной тирании, все инстинкты, все влияния, противоречащие свободе, вновь закалились бы в этой борьбе с Польшей и ваша демократия, вероятно, попала бы под новое ярмо, под власть одного из тех истошающих разочарований, которые, надолго заклепывают кандалы народов.

Итак, нас необходимо выслушать, нам необходимо совместно заниматься пропагандой общей свободы и федерации славян. Практически это не может означать чего-либо другого, кроме соглашения между Россией и Польшей; тогда, вступив в действие, мы станем как бы республиканцами накануне республики, ибо естественно, что сторонники наиболее передовой идеи делают ее хозяевами положения, когда события полностью доказали их правоту. Вот тогда-то и придется им возглавлять взрыв народного воодушевления; именно благодаря им народы смогут стать свободными, поскольку именно они подчинят свои обиды и слепые влечения своей крови — страсти к идеалу и осмотрительности. Необходимо постоянно владеть собою и уметь себя побеждать, чтобы стать свободным. Демократия вовсе не обязана быть справедливой и не обязана быть рассудительной; современные демократии полностью погубили себя именно тем, что благодушно верили в преемников Руссо. Первые впечатления и первые наставления могут оказать решающее влияние на омолодившиеся народы. Великодушие и мудрость славянской демократии будут в значительной мере зависеть от того идеала, который вскоре ей покажут, так же как и от первых страстей, которые в ней удастся пробудить. Не окажется ли, впрочем, что идеал этот совпадает с осторожностью, что условия великодушия и условия силы находятся здесь в полном соответствии? Не сможем ли мы сказать, что революция и политика, столь долго находившиеся в раздоре, встретились, наконец, и объединились: “*Obviam irunt et osculatatae sunt*”, как говорит псалмопевец¹¹.

Принципы нашего союза представляются мне в следующем виде: автономия Польши и Литвы, союз которых должен уважаться потому, что он — по меньшей мере для нас — исторический образец нового союза, знамение, под коим мы надеемся побеждать. Важность исторической традиции не может не признаваться участниками общественного движения, ибо всякий великий порыв к будущему имеет известную исходную точку в минувшем; каждая плодотворная революция должна в некотором отношении являться возрождением.

^{101*} Далее зачеркнуты две с лишним строки. — *Ред.*

Трудность, стоящая или, вернее, стоявшая между нами, – это русацкие области. Разномыслие в этом вопросе такого рода, что вероятно, невозможно было бы установить какое-либо прямое соглашение между обеими странами; но русакам – и я посмею сказать, что это большое счастье, – никакого дела нет ни до ляха, ни до москowitza¹². Не в меньшей мере надлежало бы отрицать важность польского элемента и польской традиции в этом крае, если бы в споре шла речь лишь о вас и о нас, но ведь народная масса состоит из рутенов, а они ведь еще проникнуты воспоминаниями о славе запорожцев; кроме того, есть еще пылкая и образованная молодежь, которая разделяет те же чувства и сможет стать головой этого тела. Итак, можно допустить следующие две вещи: 1) что рутены отныне уже способны изъяслять свои желания и 2) что они, действительно, хотят быть независимыми. Если это так, их независимость или хотя бы их автономия соответствовала бы всем вашим принципам, а это, полагаю, было бы в конечном счете в наших общих интересах. Если русаки оказались неспособными к самоуправлению, пусть это будет доказано на фактах; до той поры они сохраняют свое право в соответствии с принципом, что каждый должен считаться способным пользоваться своими правами, пока не будет доказано противное. Если Польша потеряет при автономии русаков часть своего исторического права 1772 г.¹³, то зато ею восстанавливается ее национальное право на нерушимых основаниях, и она, сверх того, получает отважных союзников вместо прежних врагов; она, наконец, возвысится до того сознания силы, которого ей всегда не хватало, вступив в великий поток действенных идей и социального развития нашего века.

Конфедерация эта для начала должна была бы быть трехчленной, подобно союзу, проектируемому скандинавами; надобно быть троим, чтоб образовать, как говорится, коллегия, то есть общество. Вдвоем никогда не создашь ничего, кроме семейного союза, а удачные союзы такого рода, как вам известно, исключительно редки и даже, может быть, совсем невозможны. Итак, хорошо было бы, если бы мы с самого начала нашли форму социального союза, союза мужественного. Независимость членов должна быть, однако, полной, ибо только в религиозном уважении свободы и автономии каждого найдем мы гарантии и подлинную силу, любовь этого союза. Не только законодательство и финансы, но и армии должны быть отдельные, чтобы лишить всякого предлога для подозрений или трений. Союз был бы дипломатическим и военным, и при нем был бы центральный конгресс, призванный решать вопросы, имеющие общий интерес.

Федеральная республика не имеет в себе ничего невозможного, это единственная практическая или, по меньшей мере, практикуемая форма республики, единственная, которая не дает парламенту роковой иллюзии неограниченности самовластия. Если бы вы, однако, захотели основать наследственную власть^{102*}, то я, со своей стороны, нахожу, что президент Славянской федерации, великий князь киевский, король польский, царь российский – в последовательности дат и в обратной последовательности мощи – выглядел бы совсем неплохо в мировом порядке вещей.

Все наши проклятия сошли бы на нет, если бы вы помогли нам отвоевать те области, которые от нас были оторваны. Что до меня, то я умру, защищая союз на этих условиях, ибо я убежден, что моя родина не сможет существовать в качестве сильной и обеспеченной безопасностью державы, если она взята будет как бы в тиски между национальными ненавистями Германии и России. Мы очень долго боролись с естественным ходом всех европейских интересов. Итак, вместо того, чтобы подобно античному рабу, вертеть ничтожное по силе колесо, утратив возможность поддерживать конкуренцию с теми, кто использует могучие силы природы, нам следует создать обширное политическое сооружение на вечных и глубоководных течениях, и они-то заставят нас заняться настоящим, поистине мощным трудом.

Вам слишком хорошо известна история славянских народов, чтобы не знать, чем явилась битва при Грюнвальде и Танненберге, положившая конец нашествию тевтонских рыцарей Пруссии и ливонских меченосцев около 1400 года¹⁴. Успех этот вы-

^{102*} Далее в автографе почти полностью зачеркнута одна строка. – *Ред.*

звал немедленное присоединение Литвы к Польше, то был первый ее плод. Это была единственная окончательная и плодотворная победа, одержанная славянами над немцами за тысячу с лишним лет; она спасла Литву и Польшу от неотвратимой гибели; без нее не Познань, а, вероятно, Москву немцы пытались бы в настоящее время огерманивать. Именно этому победоносному союзу той эпохи Литва и Польша обязаны тремя или четырьмя веками свободы, свободы дворянской и анархической, если хотите, но, тем не менее, счастливой и достойной быть примером для многих. Не таким ли образом, впрочем, свобода и начиналась в античном мире и создала свои великие представительные формы в новые времена? Что до нас, то Грюнвальд и Танненберг должны стать нашим военным кличем и сигналом для сбора в Польше. Ваши общественные идеи слишком практичны и слишком разумны, чтобы вы не могли допустить, точно так же, как и мы, что нам необходимы общие победы, чтобы позабыть нанесенные нам оскорбления и чтобы наши народы научились полагаться друг на друга как добрые и честные союзники. По правде говоря, только господствующая буржуазия посмела присвоить святой победе низкое наименование успеха.

Немец со своей бережливостью и гибкостью, нередко приобретающими низменные свойства, может до известного предела обойтись без могущества и, несмотря на это, развить свои духовные способности и характер, эрудицию, хитрость, терпеливость. Совсем не так обстоит дело со свободой славянской; нам необходимо могущество, чтобы жить свободно, чтоб иметь досуг и вдохновение, без которых невозможно развитие нашего национального духа; без могущества для нас нет свободы; надобно, как достаточно верно указывает нам тривиальная, но производящая сильное впечатление песня, либо пасти свиней, как рабы, либо господствовать во всем великолепии своих гражданских прав. В то же время, учитывая благородство и задушевность нашего племени, чего только нельзя от него ждать, если оно в один прекрасный день вступит на пути идеала, глубокого и вместе с тем проникнутого разумом, ибо наш союз, если он искренен, обладает всеми характерными чертами этого идеала, в нем все его преимущества и даже его престиж. Судьба всех славянских народов в нравственном и политическом отношении зависит от согласия между Польшей и Россией; это явилось бы переворотом в союзе народов, переворотом, исполненным великодушия и мудрости, поскольку он начал бы с того, что восторжествовал бы над всеми искушениями зависти и раздора. Итак, я считаю, что он создан для пробуждения энтузиазма и душевных сил, быть может более предпочтительных, нежели те, что были порождены великой революцией XVIII века. Подумайте же, милостивый государь: ведь без этих широких взглядов, которые, так сказать, отрывают нас от самих себя, невозможно по-настоящему поднять глубокие народные массы. С отрицанием и ненавистью, как бы священные они ни были, никак не избежать раздоров и наступления реакции, если в тебе нет положительного ограничивающего принципа, основанного на чувстве, противоположном алчности и злопамятству: на идее, проникающей и объединяющей сердца.

Если бы великий князь Константин и маркиз Велепольский обладали большим тактом, умом и великодушием, они могли бы подготовить – в административных и монархических формах – Федерацию и примирение обоих народов¹⁵. Они вписали бы прекрасную страницу в историю, и их дело пережило бы даже их власть, подобно тому как реформы Тюрго были приняты революцией¹⁶, и они могли бы смягчить и изменить ее течение, если бы прервать ее ход им не удалось.

Я написал статью в этом смысле для “Revue Contemporaine” от 15 октября и поручил отправить ее вам, но не уверен, что она дошла до вас¹⁷.

В ней я защищал принцип федерации Польши и России в умеренной и дипломатической манере, отгалкиваясь от мысли, что гольштейнско-романовское правительство¹⁸ могло и хотело исправиться; но, как кажется, эти монархи неисправимы, поскольку самый либеральный член всей фамилии¹⁹, прибывший в Варшаву, чтоб установить там хотя бы справедливость милосердия, если не свободу, вскоре убедился в необходимости прибегнуть к мерам, которые не только бесчестны, но и проти-

воречат всем принципам политической цивилизации и о которых можно было сказать, что они – наиболее несправедливое дело, совершенное в наш век. Если наше правительство поведет себя так же в России, то совершенно очевидно, что судьба его вскоре решится. *Quem medicina non sanat, ferrum et ignis sanat*²⁰.

Не думаете ли вы, что было бы полезно основать в Брюсселе или в Лондоне польскую газету, которая действовала бы в вашем духе и твердо придерживалась бы союза с вами, предусмотрительно положив в основу преобладание мысли над действием? Если вы считаете, что это было бы делом полезным, мы попытаемся – мой друг и я – воплотить в жизнь этот проект. Просим вас объясниться, насколько можно откровеннее, с другом, который должен отвезти вам это письмо^{103* 21}.

Имею честь быть, с глубоким уважением, милостивый государь, вашим преданным слугой.

Роже Р а ч и н с к и й

¹ Дата приводится по авторизованной копии, опубликованной Верещицким. В автографе *BPUG* ее нет.

² Рачинский говорит здесь о Великом княжестве Познанском.

³ См. прим. 1 к пред. письму.

⁴ Идея “русского легиона”, о котором мечтали М.А. Бакунин и Огарев, так и не осуществилась, хотя в рядах восставших воевало много русских.

⁵ Речь идет о Краковском и Галицийском восстаниях 1846 г. Они готовились как общепольское освободительное восстание, но в результате мер, принятых русскими, прусскими и австрийскими властями, восстания произошли лишь на части территории и были быстро подавлены.

⁶ Революционные события 1848 г. во Франции, а затем в других странах Западной Европы.

⁷ После заключения Парижского трактата 1856 г. началось сближение России и Франции, продолжавшееся до польского восстания 1863 г. (см. сочинение Герцена “*La France ou l’Angleterre?*” (XIII, 209–253).

⁸ Александр II гневно осудил русских офицеров, обратившихся с письмом по польскому вопросу в редакцию “Колокола”.

⁹ По поводу ультрареакционных выступлений митрополита Филарета Герцен высказался в статье “Смерть Пиотровского, доносы Филарета, инквизиция на всех парах”, помещенной в л. 133 “Колокола” от 15 мая 1862 г. (XVI, 102–103). А в л. 135–136 от 1 и 15 июня была помещена присланная из России статья “Филарет и розги”.

¹⁰ Л. Мерославский, освобожденный мартовской революцией из Моабитской тюрьмы, возглавил восстание 1848 г. в Великом княжестве Познанском; закончилось оно очередным поражением повстанцев.

¹¹ В переводе: “Сретятся и облобызаются” (*лат.*). Из псалма 84, ст. 11 (“Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются”).

¹² *Русаки... рутельны... русацкие области* – ходовые в польской литературе того времени термины, обозначающие украинские земли и украинцев, подобно тому, как *лях* означал поляка, а *московит*, *москаль* – русского.

¹³ Т.е. границ, существовавших до первого раздела Польши.

¹⁴ Окружение и разгром войск немецкого Тевтонского ордена польско-литовско-русской армией около деревень Грюнвальд и Танненберг произошло 15 июля 1410 г.

¹⁵ Великий князь *Константин Николаевич* был назначен наместником Королевства Польского в июне 1862 г. Маркиз *А. Велепольский* назначен был одновременно гражданским правителем; оба они не могли предотвратить восстания и, конечно, не только из-за отсутствия “такта, разума и великодушия”.

¹⁶ *А.-Р.-Ж. Тюрго* – выдающийся французский экономист, министр финансов при Людовике XV; провел ряд прогрессивных реформ, которые после его вынужденной отставки были отменены; их, однако, осуществила Великая буржуазная революция 1789–1793 гг. Сравнение с Тюрго здесь не выдерживает критики, так как положение в Королевстве Польском накануне восстания 1863 г. ничем не напоминало ситуации, сложившейся во время деятельности Тюрго перед революцией 1789 г.

¹⁷ Статья Рачинского “*Le marquis Wielopolski et les réformes du gouvernement russe en Pologne*” (“*Revue Contemporaine*”, 1862, № 9–10). В ней он развивал более сжатые мысли, высказанные в публикуемом письме.

¹⁸ Так же, как Герцен и многие другие противники царизма, Рачинский подчеркивал, что династия Романовых, в сущности, прекратилась после смерти Елизаветы Петровны и под этим названием продолжала существовать династия Гольштейн-Готторпов.

¹⁹ Рачинский говорит здесь о наместнике польском, великом князе Константине Николаевиче.

²⁰ “Кого не излечит медицина, того излечат железо и огонь” – неточное изречение из “Афоризмов” Гиппократов. В подлиннике: “*Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat, ignis sanat*” (“Чего не излечивают лекарства, излечивает железо, чего не излечивает железо, излечивает огонь”. Ср. у Герцена: XVI, 204).

²¹ Кто этот друг Рачинского, установить не удалось.

^{103*} В копии, опубликованной Верещицким, далее следует текст: Посьялаю вам это письмо дважды, двумя различными оказиями. – Ред.